

Ирина
Волчок

С
Т
И
Ж
И
И

О
М
У
Т

Все люди – разные

Ирина Волчок

Тихий омут

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волчок И.

Тихий омут / И. Волчок — «Издательство АСТ», 2020 — (Все люди – разные)

ISBN 978-5-17-119506-9

Не родись красивой, а родись счастливой, — эта простая истина нравится «сереньким мышкам». Но Вера — совсем другое дело. В детстве она считалась дурнушкой, а когда люди разглядели, какая она на самом деле — невероятная, неземная, вылитая Аэлита! — это открытие принесло ей мало радости. Да и что хорошего в женской зависти и жадных мужских взглядах? Строгая Вера преподает студентам мутную науку психологию и считает, что все знает о людях. Особенно о таких, как небритые пассажиры громадного черного джипа, от которых приходится спасаться бегством. Но если бы не бег с препятствиями по пересеченной местности, она бы так и не встретила свое счастье. А счастье — оно даже красавице не помешает!..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119506-9

© Волчок И., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ирина Волчок

Тихий омут

Глава 1

Вера неторопливо бежала по своей любимой дорожке под старыми липами и радовалась жизни. Кажется, жизнь с утра сложилась – ни одного прохожего, ни одного собачника, ни одного дворника, даже ни одного бомжа. Нет таких сумасшедших прохожих, собачников, дворников и даже бомжей, чтобы вставать в пять утра. Ух, здорово! Ни одна рожа не пялится, ни один рот не разевается, ни один идиот не свистит, не улюлюкает, не лыбится, не скалится, не хватается за сердце или – еще глупее – не пытается ее догнать. Конечно, ей давно уже наплевать на всякие такие разевания ртов, свисты и хватания за сердце. Она не практикующий врач, чтобы обращать внимание на каждого идиота. Вот она и не обращает. Но все-таки как хорошо, когда их вообще нет. Надо каждый раз бегать в пять утра, и тогда можно будет каждый раз радоваться жизни на законном основании.

Та-а-ак... Похоже, поспешила она радоваться. Нашлись сумасшедшие, которые встали сегодня в пять утра. Хотя эти – вряд ли. Эти, скорее всего, еще и не ложились. Наверное, из кабака какого-нибудь прутся. Из казино. С тусовки какой-нибудь идиотской. И вот почему-то – мимо именно этого парка, мимо именно ее любимой дорожки под старыми липами. И именно с ее любимой скоростью неторопливой утренней пробежки – не больше десяти километров в час. Прямо скажем, необыкновенная скорость для джипа.

Вера резко остановилась, наклонилась, делая вид, что завязывает шнурок на кроссовке, и из-за локтя быстро глянула в просвет между деревьями на улицу за железной решеткой ограды, окружающей парк. Громадный черный джип тоже резко остановился, черные стекла поползли вниз, в окна высунулись две – нет, даже три! – идиотские морды и с открытыми ртами уставились на нее. Морды были как минимум сутки не бриты. Одна небритая морда тихо присвистнула, другая захлопнула рот и впала в печальную задумчивость, а третья хриплым голосом задала оригинальный вопрос:

– Девушка, вы не подскажете, как проехать к площади Революции?

Вера выпрямилась, обернулась к джипу, серьезно посмотрела каждой морде в глаза, перевела взгляд на заднее колесо и с холодноватой вежливостью сказала:

– Доброе утро.

Глаза у морд были не красные, не похмельные и не наркоманьи. Немножко обалделые, но это ничего, это как раз понятно.

– А? – растерянно сказала одна морда.

– Ого! – растерянно сказала вторая морда.

– Доброе утро... – растерянно сказала третья морда.

Вера оторвала взгляд от колеса, на всякий случай опять серьезно посмотрела каждой морде в глаза и заговорила, ни к кому конкретно не обращаясь, размеренно и звучно, как с кафедры:

– Чтобы проехать к площади Революции, надо сначала доехать до перекрестка, свернуть направо, доехать до следующего перекрестка, свернуть налево, выехать на Московское шоссе, по нему доехать до объездной, на выезде из города есть указатель на Москву, до Москвы по трассе километров триста пятьдесят, от Москвы до Санкт-Петербурга несколько больше, кажется, в два раза, точно не помню, надо посмотреть в Большой советской энциклопедии, а в Санкт-Петербурге вам любой прохожий покажет, где находится площадь Революции. Кстати, разве ее до сих пор не переименовали?

Морды, зачарованные ее речью, молчали и тарашились.

– Чего она говорит, а?

Четвертая морда. Ну да, там же еще водитель.

– Я говорю, что до площади Революции не очень далеко, – так же размеренно и звучно ответила она. – Но вы вряд ли доедете. У вас заднее колесо, кажется, спущено.

– Блин! – хором сказали морды, мгновенно выходя из ступора.

Дверцы джипа распахнулись, и из него полезли туловища. Туловища очень гармонировали с мордами, к тому же их было четыре штуки, поэтому Вера вежливо сказала «До свидания», повернулась и побежала в обратную сторону. И немножко быстрее, чем до этого, – раза в два примерно.

– Эй! – заорали морды за спиной. – Эй, ты куда? Стой! погоди! Тебя как зовут?.. Познакомиться!.. Встретиться!..

И еще что-то, такое же оригинальное и неожиданное. А одно туловище затопало было вслед за ней, и даже довольно шустро, но Вера оглянулась на бегу – и туловище споткнулось, отстало, а потом и совсем остановилось. Наверное, сообразило, что через парковую ограду все равно не сумеет перелезть, а бежать по разные стороны железной решетки и беседовать на романтические темы – это все-таки несколько странно. Особенно в пять утра. Ну и что теперь делать? В четыре утра бегать, что ли? Так и в четыре какой-нибудь джип может по улицам рыскать. Джипов развелось – как бродячих собак. Хорошо хоть, что эти бродячие джипы не умеют через заборы прыгать и между прутьями ограды пролезать.

Низкая ветка цапнула ее за волосы – сильно, даже заколка расщелкнулась и улетела куда-то в сторону. Чтоб же ей... Всегда одно и то же. Вера затормозила, завертела головой, соображая, в какую сторону на этот раз улетела проклятая заколка, заколки не увидела, зато увидела этот бродячий джип. Бродячий джип с выключенным мотором совершенно бесшумно катил по липовой аллее, едва не задевая сверкающими боками шершавые стволы старых деревьев.

Это что же – бродячие джипы научились прыгать через заборы или пролезать между прутьями ограды? До чего дошел прогресс... Вот не зря она так не любит этот технологический путь развития цивилизации. Хотя нет, на этот раз на технологический путь она возводит напраслину. Там, дальше, в железной ограде огромная дыра, метра четыре, наверное. Раньше эту дыру ворота закрывали, но их давным-давно сняли и, скорее всего, сдали в металлолом. Одно время в металлолом сдавали все подряд, даже урны, крышки от канализационных люков и мемориальные доски с памятников архитектуры. Эту парковую ограду, наверное, тоже сдали бы, но она была намертво вмурована в бетонное основание, уходящее в землю на противостоющую глубину. Говорят, эту ограду зэки строили, дай им бог здоровья, они в железных оградах толк знали. А ворота наверняка вольнонаемные халтурщики навешивали, чтоб им век свободы не видать... Вот вам и результат – черный бродячий джип на липовой аллее, бесшумно, с выключенным мотором, катящийся под уклон с хорошей скоростью. Мог бы и догнать. Вот идиоты. Двери-то они открыть все равно не сумеют. Как раз на этом участке аллеи деревья растут почти без просветов между стволами, а эти вплотную к стволам идут, даже удивительно, как бока до сих пор не ободрали – или джиповые, или липовые. Очень хороший водитель. Но легкомысленный. Прямо перед носом джипа, буквально метрах в трех, из ровной шеренги мощных стволов, стоящих плечом к плечу по стойке «смирно», одно дерево шагнуло вперед почти на полметра. Добровольцы, шаг вперед! Ну, оно и шагнуло. Все-таки, что бы там ни писали мэтры мутной науки психологии, а жажда подвига – это великая загадка до сих пор. Грудью на амбразуру, с гранатой под танк, коня на скаку, в горящую избу... Или вот: из ровного строя, стоящего по стойке «смирно», – навстречу черному железному уроду, воняющему выхлопными газами экскременту цивилизации на ее технологическом пути развития. Так что крепче за баранку держись, шофер. Приехали.

Идиотские морды в джипе тоже догадались, что приехали. Высунулись в окна, пялились на подступившие вплотную деревья с таким изумлением, как будто не сами сюда влезли, а неведомая сила их, бедненьких, во сне телепортировала незнамо куда и теперь того и гляди выкуп за освобождение потребует. Даже двери попытались открыть, идиоты.

Вера с горячим сочувствием посмотрела на водителя – все-таки очень хороший водитель, чего уж там, а она была равнодушна ко всему хорошему, – виновато развела руками, пожалала плечами, хлопала глазами, повернулась и скользнула между двух почти вплотную растущих стволов вбок от аллеи. Говорят, эту аллею в прошлом веке посадили юные пионеры на каком-то коммунистическом субботнике в честь какой-то годовщины Великого Октября. Вере казалось, что это досужий вымысел. Ну, кто ж деревья в октябре сажает? Деревья сажают весной. Так что липовую аллею юные пионеры, скорей всего, посадили в честь Первого мая, Международного дня солидарности всех трудящихся. Или Дня международной солидарности?.. Впрочем, не важно. Все равно молодцы. И после этого кто-то еще поднимает язык на коммунистический режим вместе с его юными пионерами, субботниками и солидарностью! Не умеют люди ценить наследие славного прошлого. Правда, еще говорят, что эти липы выросли до таких почти баобабских размеров потому, что были посажены на месте нелегального кладбища жертв того самого коммунистического режима, на земле, хорошо удобренной прахом как действительных противников режима, так и подвернувшихся под руку режиму случайных прохожих на пути к светлому будущему. Может быть, может быть. Диалектика.

– Стой! Ну что ты хоть, а?.. Не убегай! Слушай, не бойся! Я же только познакомиться!

Это морда с хриплым голосом хочет с ней познакомиться. Как будто другие не хотят. Но другие сидят и помалкивают, а этот разорался на весь парк. В пять утра. Никакого самолюбия у человека. Сидит, можно сказать, как кот в мышеловке, и еще орет «стой!». Совершенно не закомплексованный идиот. С точки зрения мутной науки психологии случай довольно интересный. С точки зрения братской науки психиатрии – еще интересней, наверное. Но она не практикующий врач, так что пусть этот идиот знакомится с практикующим. Так о чем она сейчас думала-то? Ах, да, диалектика...

– Ну подожди, а? Ну не убегай! Я ж все равно тебя догоню!

Нет, не дадут ей подумать о диалектике. Догонит он ее! Пусть сначала из своего катафалка вылезет. Люка на крыше у этого бродячего джипа, кажется, нет, а в окно ни одно из этих туловищ не пролезет. Теперь их хорошему водителю придется пятиться из этой ловушки задом наперед, и какой он ни будь хороший водитель, а багажником хоть разок да зацепится за какую-нибудь пионерскую липу, посаженную в прошлом веке на коммунистическом субботнике в честь...

Багажник! Как же она раньше об этом не подумала! Кажется, во всех джипах багажный отсек соединен с салоном, и этим идиотам ничего не стоит выбраться из машины через багажный отсек! Или она чего-то путает? Вера совсем не была знатоком машин, тем более – джипов, просто один раз видела, как из джипа, похожего на этот, выгружали что-то громоздкое, и один из выгружающих влез в салон, а вылез из багажного отсека... Может быть, этот бродячий джип устроен все-таки как-нибудь по-другому? Иначе эти идиоты вспомнили бы о багажнике раньше, чем она...

Ага, все-таки вспомнили. Хоть и не раньше, чем она. Чем и гордиться даже не хочется – идиоты же, с кем там равняться. Это как обогнать безногого на беговой дорожке. Даже стыдно.

Да, но эти туловища – с ногами. Опять, что ли, в догонялки играть? И это в пять утра! То есть уже в пятнадцать минут шестого, но все равно обидно. Можно было бы еще почти целый час неторопливо шлепать по липовой аллее туда-сюда, дышать утренней прохладой, думать о какой-нибудь диалектике и наслаждаться жизнью. А вместо этого приходится удирать от каких-то идиотов. Нет, от одного идиота. Остальные хоть и вылезли из мышеловки, но остались возле нее, стоят, в затылках чешут – ситуацию анализируют. Может быть, и не совсем идиоты. А

вот этот, который за ней поперся, – тот совсем. Бегать по пересеченной местности в черном костюме, при галстукке, а главное – в лаковых штиблетах! По недавно подстриженной траве, мокрой и скользкой, будто маслом политой. По крутому склону, утыканному невидными в этой траве кочками и камнями, которые даже она не все изучила. Безумству храбрых поем мы песню.

Вера, прыгая по знакомым кочкам и камням, как по ступеням лестницы, быстро сбежала с крутого склона к набережной и оглянулась. Идиот пару секунд помедлил наверху, посмотрел на крутой склон, посмотрел на спокойно стоящую внизу Веру, что-то неразборчиво пробурчал и тоже стал спускаться. В лаковых штиблетах. И, конечно, тут же поехал по мокрой траве, как на лыжах, а по курсу как раз трамплинчик незаметненький торчал, а идиот никак не ждал такой подлости от природы, вот и наверху с этого трамплинчика, ахнулся всем своим черным костюмом прямо посреди склона и доехал вверх штиблетами почти до самого низа. Повозился, переворачиваясь вниз штиблетами, пошевелил руками-ногами, потряс головой и попытался встать.

– Ой, – озабоченно сказала Вера, внимательно наблюдая за его шевелением. – Вы осторожней, пожалуйста! А то там яма еще есть, прямо у вас под ногами, такая коварная... Я тоже все время здесь падаю. И иногда даже травмируюсь. А вы ничего не травмировали?

– Даже и не надейся, – сердито буркнул идиот и вдруг захохотал. Отсмеялся, вытер испачканные зеленую ладони о свой черный пиджак, полазил по карманам, наверное, проверяя, не выронил ли чего-нибудь ценного во время полета с трамплина, и церемонно представился: – Константин Дмитриевич Сотников. Генеральный директор фирмы «Артдизайн».

Он, не вставая, сделал попытку слегка поклониться – очень смешно получилось, – и ожидающе уставился на нее.

– Вера Алексеевна Отаева, – так же церемонно представилась Вера и тоже слегка поклонилась. – Вы точно ничего не травмировали? Впрочем, я не практикующий врач, так что вряд ли могу быть полезна. Приятно было познакомиться.

Она повернулась и неторопливо потрусила по набережной, время от времени посматривая на вершину поросшего травой склона – не обнаружатся ли там остальные идиоты из бродячего джипа. Нет, не обнаруживались. Ну и правильно делали. У них у всех штиблеты, кажется, тоже лаковые. В пять утра! Что за народ?..

– Вера! – хрипло заорал за ее спиной идиот, который оказался генеральным директором какой-то там фирмы. – Подожди! Я ж познакомиться... Я ж ничего такого... Поймай, Вера!

Она остановилась, оглянулась и строго уточнила:

– Вера Алексеевна, если вы забыли. И мы ведь уже познакомились, господин Сотников, разве вы и этого не помните? А вы уверены, что не стукнулись головой? При травмах черепа это бывает. Я хоть и не практикующий врач... ну да, я это уже говорила. На вашем месте я бы какое-то время не двигалась. Покой, покой и еще раз покой. Тогда полное выздоровление намного вероятней, хотя на сто процентов тоже не гарантируется. Будьте здоровы, господин Сотников.

Господин Сотников опять попытался встать, но опять не сумел и скатился до самого низа склона на своем черном костюме, слегка дрогнув туловищем на той коварной яме, о которой Вера его честно предупредила. Ну, почти честно – о существовании ямы она ничего не знала, но раз уж яма все-таки оказалась, значит, предупредила она господина Сотникова все-таки честно. А он не прислушался к ее предупреждениям. Его черный костюм теперь ни одна химчистка не возьмет. Ну и правильно – нечего шастать в черных костюмах прямо посреди июня. Да еще в пять утра.

Господин Сотников потрогал подошвой лакового штиблета бетон набережной, как обычно трогают голый ступней воду, прежде чем войти в речку. Это тоже было смешно. Вера чуть не спросила, как бетон – не скользко? Но тут господин Сотников наконец встал, потопал

ногами, похлопал руками, с недоумением оглядел свой черный костюм, старательно размазал по нему несколько особенно ярких пятен земли и зелени, после чего вытер ладони об относительно чистые места на пиджаке, вздохнул, поднял взгляд на Веру и торжественно заявил:

– Вера! У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

– Смогу, – успокоила его Вера. – Я от любого предложения смогу отказаться. Так что вы можете даже ничего и не предлагать. Считайте, что уже предложили, а я уже отказалась. – Она отвернулась и, не спеша, пошла прочь, на ходу оглянулась и укоризненно добавила: – Тем более, после такого... э-э-э... оригинального знакомства.

Как раз ничего оригинального в этом знакомстве не было, если не считать черного костюма и лаковых штиблет господина Сотникова. В июне. В пять утра. В сочетании с простуженным голосом и суточной небритостью. А так – все как всегда, до мелочей, просто как под копирку. Вплоть до падения очередного туловища с заросшего травой склона с последующим торжественным заявлением о том, что она, видите ли, не сможет отказаться от его предложения. Абсолютно все как всегда. Но господину Сотникову это знать не обязательно. Пусть господин Сотников думает, что это он один виноват в том, что его предложение даже выслушивать не хотят. Тем более что он действительно виноват. А если бы на ее месте оказалась какая-нибудь впечатлительная барышня? В смысле – нервная? А тут – черный джип преследует! С целой толпой идиотов в лаковых штиблетах! В пять утра! Барышня просто умерла бы от разрыва сердца! Хотя нынче от разрыва сердца барышни не умирают... Ну, тогда от удивления – точно бы умерла. Жалко барышню. Может быть, со временем она стала бы полноценным членом общества. Научилась бы печь торт «Ленинградский» или создала бы новую политическую партию. Написала бы полное собрание сочинений в шестидесяти девяти томах и связала бы мужу свитер, пуловер, жилет, шарф и носки... Нет, сначала носки, а потом шарф. Носки мужьям нужнее. Или даже нарожала бы детей, любила бы их, воспитывала бы правильно, и выросли бы ее дети нормальными людьми, и никогда бы не носили черных костюмов и лаковых штиблет, по крайней мере – в пять утра... да и в двадцать пять минут шестого тоже. Но, встретив на своем жизненном пути бродячий джип, застрявший в узенькой липовой аллее, нервная барышня умрет от удивления, и поэтому никогда никем не станет, не научится, не создаст, не напишет, не свяжет и не нарожает детей. Да, кстати о детях. Ей ведь и самой пора вплотную заняться этим вопросом. Давно пора, если быть честной хотя бы с собой. С другой стороны – ребенок может пойти и в папу. А где в наше непростое время взять благонадежного – в смысле наследственности – папу? В смысле наследственности Вера знала только одного благонадежного, но во всех остальных смыслах на роль потенциального папы ее ребенка он не годился категорически. Судьба – злодейка. Или индейка? В общем, с ее везением папой ее будущего ребенка наверняка окажется какой-нибудь идиот.

– Вера! – хрипло заорал за ее спиной идиот... то есть господин Сотников. – Да что же это такое... Что ж ты убегаешь все время... Даже выслушать не хочешь! Ты что, боишься меня?

Вера не убегала, просто шла себе не спеша, воздухом дышала, думала о возвышенном... Она же не виновата, что он не успевает за ней хромать? Она же его с откоса не сталкивала? Ну, и какие у него к ней еще вопросы? А на его невысказанное предложение у нее есть контрпредложение: а шел бы господин Сотников к практикующему врачу, вот что. Случай-то клинический.

Она остановилась, оглянулась и сочувственно вздохнула – господин Сотников действительно хромал. Довольно сильно. Но все равно упрямо перся за ней, страдальчески морщась и держась грязной рукой за тазобедренный сустав. Утопить его, что ли? Чтоб не мучился.

– Конечно, я вас боюсь! – Вера серьезно посмотрела в глаза господину Сотникову, отчего тот сразу остановился. – А кто бы на моем месте не боялся, как вы думаете? Одинокая девушка – и вдруг черная машина какая-то! И люди все черные! И бегут за ней! Может быть, даже

вооруженные! Вы понимаете, какая это серьезная психическая травма? На всю жизнь! А главное – и на детях отражается!

– Ты смеешься, что ли? – неуверенно спросил господин Сотников. – Какая травма, ты чего? Я просто познакомиться хотел... уже давно... Я сколько раз видел: ты бежишь, или просто идешь, или в магазине, или еще где – а рядом обязательно кто-нибудь... Ну, мужики всегда рядом. Я и не подходил. А тут мы с ребятами едем, смотрю – а ты одна... Я и подумал...

– Господин Сотников, у меня к вам два вопроса, – перебила его Вера. – Во-первых: вы что, следили за мной? Во-вторых: откуда и куда вы ехали с ребятами в пять утра?

– Из командировки возвращались...

Господин Сотников замолчал и ожидающе уставился на Веру. Она поощрительно покивала ему, как косноязычному троечнику на экзамене, и выразила лицом готовность слушать дальше. Господин Сотников вздохнул, отвел глаза и признался:

– Следил... То есть не следил, а видел часто... не очень. Иногда. Ну вот и...

– Достаточно, – остановила его Вера и опять благосклонно кивнула. – Удовлетворительно. Можете быть свободны.

Она опять внимательно оглядела косогор, ничего подозрительного не обнаружила и полезла вверх по склону, по знакомым камням и кочкам, как по ступенькам. Надоел ей этот господин Сотников, как горькая редька. Нет, правильно надо говорить «хуже горькой редьки». Хотя с ее точки зрения – это совершенно неправильно. Сейчас бы горькой редечки, соленькой, с подсолнечным маслицем. Что может быть лучше горькой редьки с подсолнечным маслом? Только такая же горькая редиска со сливочным маслом. Но о редечке с редисочкой сегодня приходится только мечтать, потому что ее любимые редечка и редисочка для большинства народа не благоухают божественно, а нестерпимо воняют. Странные люди. А ей сегодня целый день с этими людьми практически вплотную общаться. Ладно, редечку и редисочку придется отложить на вечер. Это даже и неплохо. Говорят, самые приятные занятия, самые положительные эмоции и самые вкусные блюда всегда надо откладывать на вечер, буквально на сон грядущий. Тогда они влияют на организм особенно благотворно. А после такого нервного дня ее организму обязательно понадобится особенно благотворное влияние. Значит, в перерыве надо сбегать на рынок за редечкой и редисочкой. Заодно купить кусочек хорошей свинины – небольшой, на пару отбивных, – баночку красной икры и, для усугубления благотворного влияния, бабаевскую шоколадку «Аленка»...

– Вера!.. Вера Алексеевна! Да подожди же ты, пожалуйста! Ну, я тебя прошу!

...Нет, две шоколадки «Аленка». Говорят, шоколад – мощный антидепрессант. После такого нервного дня ей понадобится много мощного антидепрессанта. Вон что делается! Не хочет этот идиот господин Сотников оставить ее в покое. Лезет вверх по склону, держась одной рукой за свой травмированный тазобедренный сустав, а в другой несет свои лаковые штиблеты. Теоретически – остроумное решение. Но практически – бессмысленное. Опять диалектика. Единство и борьба противоположностей. Наверное, господин Сотников диалектику учил не по Гегелю. Может быть, он ее вообще никогда не учил. Иначе все-таки сумел бы сообразить: ну, допустим, долезет он до верха, а дальше что? Его же даже толкать не надо, достаточно будет серьезно посмотреть ему в глаза – и господин Сотников опять полетит вниз по склону, покажется по мокрой траве, окончательно перекрашивая свой черный костюм в зеленый цвет. И бережно прижимая к груди лаковые штиблеты. Говорят, в минуту опасности люди инстинктивно спасают то, что для них дороже всего. На месте господина Сотникова она все-таки пересмотрела бы систему ценностей – вряд ли тазобедренных суставов у него больше, чем лаковых штиблет. Впрочем, как учит нас мутная наука психология, собственную систему ценностей люди способны пересмотреть только под влиянием сильных потрясений. Надо полагать, падение с откоса – это не слишком сильное потрясение для господина Сотникова. Во всяком случае, не настолько сильное, чтобы господин Сотников забыл о своих лаковых штиблетах. Пер-

вое, что он сделал, добравшись наконец до верха, – сел на краю откоса, на самом краешке, прямо на мокрую, скользкую – как маслом политую – траву, и стал обуваться. А как он на ноги поднимется, на этих-то лыжах? Или решил повторить свой скоростной спуск? Очень интересный случай. Но безнадежный. Может быть, при падении господин Сотников все-таки получил травму черепа в дополнение к травме тазобедренного сустава? Но скорее всего – отягощенная наследственность. И такие люди становятся генеральными директорами каких-то фирм! Руководят коллективом! Определяют стратегию и тактику развития! И эту, как ее... маркетинговую политику! Теперь совершенно ясно, почему у нас все сферы деятельности в таком удручающем состоянии. А подчиненные?! Боже мой, что за кошмарная жизнь у подчиненных такого начальника! Такого генерального директора с отягощенной наследственностью, да еще и с травмой черепа!

– Господин Сотников, вы бы отодвинулись от края, а то вдруг опять поскользнетесь, – сочувственно подсказала Вера, наблюдая за возней этого идиота со своими любимыми лаковыми штиблетами.

Сочувствие ее вообще-то относилось к его несчастным подчиненным. Жизнь у них и так нелегкая, а если их начальник заработает еще одну травму черепа, то хоть караул кричи. Хоть увольняйся совсем и другую работу ищи. Говорят, потеря работы – это очень серьезный стресс. А ведь еще не известно, какой начальник окажется на новой работе. Может быть, такой же травмированный. Вот, например, на прошлой неделе с этого откоса свалился какой-то менеджер какой-то компании... Ничего удивительного, что все эти компании без конца разоряются, при таких-то менеджерах. И при таких-то генеральных директорах.

Генеральный директор наконец обулся, повозил подошвами по скользкой траве, сообразил, что встать все равно не сумеет, тяжело вздохнул, оглянулся и с горьким упреком сказал:

– Вот видишь, что ты наделала! Главное – даже выслушать не хочешь!

– Я что-то неправильно сделала? – испугалась Вера. – Ой, извините, пожалуйста... Но этот косогор не я камнями засыпала, честное слово... И яму там не я выкопала... И траву не я водой полила... И ботинки не я вам выбирала, по крайней мере, в этом я точно не виновата, и вы должны сами это знать, а если не знаете, кто покупает вам ботинки, так зачем же обвинять посторонних людей? Буквально первого встречного... первую встречную!

– При чем тут ботинки? – серьезно буркнул господин Сотников и, не вставая, попытался отодвинуться от края косогора.

Вера уже собралась подробно и в доступной форме рассказывать господину Сотникову о судьбоносной роли его лаковых штиблет, но тут заметила, что господин Сотников смотрит не на нее, а мимо, что с точки зрения мутной науки психологии объяснить было невозможно ничем, кроме травмы черепа или...

Она оглянулась. Все-таки «или». По дороге, идущей вдоль косогора над набережной, пылил бродячий джип. В окна высывались небритые морды. Морды выражали тревогу и озабоченность. Это хорошо.

– Мужайтесь! – Вера изобразила насквозь фальшивую бодрость, как у постели умирающего. – Спасение уже близко! Верные друзья спешат на помощь! Сейчас я их потороплю.

Господин Сотников опять завозился, пытаясь встать, и опять что-то закричал, но она уже не слышала, что он там кричит, потому что сама кричала, сломя голову несясь навстречу джипу, размахивая руками, тараща глаза и вообще всеми доступными способами изображая неконтролируемые эмоции. В последний момент, когда джип резко затормозил перед ней и дверцы стали открываться, Вера сообразила, что кричит: «Ой-е-ей, ай-я-йяй, в лаковых штиблетах!», – что в данной ситуации могло показаться крайне неуместным и даже подозрительным, поэтому с ходу перестроилась и закричала прямо в небритые тревожные морды уже вполне уместное:

– Скорее! Не останавливайтесь! Вы что – с ума сошли?! Не задерживайтесь! Костя ногу повредил! Срочно в больницу!

При этом она прерывисто дышала, всхлипывала, хваталась за сердце и под шумок даже сумела втолкнуть обратно в машину одно наполовину вылезшее туловище и захлопнуть дверцу. И, не переставая заплещивать, что Косте плохо, уперлась обеими руками в багажник машины – с самого краешка, чтобы они видели – и затопталась на месте, делая вид, что изо всех сил толкает тяжелую машину, даже разок лбом ее боднула.

Они поверили – может быть, потому, что она назвала идиота господина Сотникова Костей, может быть, потому, что пыталась подтолкнуть громадный джип своими слабыми и нежными руками... Ведь это было так убедительно глупо, так самоотверженно, так по-женски! Коня на скаку остановит.

Водитель высунулся в окно, испуганно закричал:

– Девочка, не надо! Отойди, отойди, что ты, ей-богу...

Багажник мягко ушел от ее рук – это чтобы она случайно не упала, хороший водитель, – и джип тут же рванул на помощь господину Сотникову, который встал уже на четвереньки. Того и гляди, поднимется на задние лапы. Вера отряхнула ладони, еще немножко подержалась за сердце и повытирала сухие глаза – на случай, если эти идиоты оглядываются, – потом повернулась и побежала к мосту. И даже не слишком быстро. Торопиться было уже незачем. Мост лет десять назад объявили пешеходным, потому что для транспорта он был непригоден в силу преклонного возраста, собрались отремонтировать и сделать пригодным, но с тех пор успели только снять перила, огородить середину моста низким заборчиком из легких переносных секций да повесить на фонарных столбах несколько дорожных знаков: «въезд запрещен», «стоянка запрещена», «идут земляные работы», «внимание: сужение дороги», «впереди крутой поворот» и «ограничение скорости до двадцати километров». Вообще-то Вера в дорожных знаках ничего не понимала, просто ей когда-то в порядке анекдота объяснили их смысл, но она надеялась, что хороший водитель этого бродячего джипа в дорожных знаках разбираться должен, так что на мост не поперется.

Она добежала почти до середины моста, когда заметила, что джип на мост все-таки поперся. Может быть, водитель не такой хороший, как она о нем думала? Знаки на всех столбах – гроздьями, и ни одного он не заметил! Милиции на него нет! ГАИ и патрульно-постовой службы! ОМОНа и налоговой полиции! В центре города, среди бела дня, на глазах возмущенной общественности какой-то бродячий джип нагло нарушает все правовые и морально-этические нормы, а правоохранительных органов поблизости что-то не наблюдается! Правда, не наблюдается и белого дня, рано еще, и шести нет. Возмущенной общественности тоже не наблюдается. Кроме двух дядек с удочками, дремлющих на том берегу возле недостроенного, но уже заросшего ряской лягушатника. Нет, эти – не общественность. Да ладно, обойдемся без общественности. Говорят, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Она уже давно убедилась, что правильно говорят. А все-таки жаль, что нет восторженных зрителей. Хотя с точки зрения мутной науки психологии жажда славы – это свидетельство глубоко сидящих детских комплексов, непращенных обид, нереализованных амбиций и всякого такого...

Вера на бегу перемахнула через низкое ограждение из легких переносных секций, в три шага добежала до края моста, взялась за одиноко торчащий столбик от бывших перил и заглянула вниз. Здесь, что ли? Нет, метра на два ближе к середине. Да и там такая грязь... Говорят, речку последний раз чистили в начале прошлого века, когда кто-то из идеологических предков нынешних «зеленых» пустил остроумный слух, что в начале позапрошлого века здесь затонул корабль с грузом золотых монет. Конечно, ничего не нашли, очень разочаровались, поэтому с тех пор больше уже не чистили. А у нее кроссовки новые, только во второй раз надела.

За спиной раздался визг тормозов и одновременно – хриплый испуганный голос:

– Стой! Вера, стой! С ума сошла... Ты что?! Не надо! Все, мы уезжаем, все!

Она с сомнением оглянулась, на всякий случай изобразив взгляд беззащитной лани, загнанной стаей волков на край обрыва, и попятилась вдоль моста поближе к середине. Как же, уезжают они. Господин Сотников пытается вылезти из машины, помогая своему травмированному тазобедренному суставу руками, а один из его братьев по разуму уже вылез, уже топает к ней, уже перешагивает низкое ограждение из переносных легких секций, даже, кажется, не заметив его, потому что не отрывает от Веры взгляда, полного героической решимости немедленно ее, Веру, спасти. И тянет к ней верхние конечности – по-видимому, с той же благородной целью. Вот ведь идиот.

– Сашка, стой! Не подходи к ней! Назад! – опять хрипло заорал господин Сотников и наконец вывалился из машины вместе со своим тазобедренным суставом. – Вера, пожалуйста... Вера, не надо, отойди от края, пожалуйста... Мы уезжаем, все, уже уехали, Сашка, иди сюда... Идиот, кому говорю!!!

Ага, диагноз по крайней мере одного из своих они знают. Но этот их Сашка со своим диагнозом, наверное, не согласен, во всяком случае, на него не отзывается, к машине не возвращается и даже не оглядывается. Правда, все-таки остановился, но это, скорей всего, не от вопля господина Сотникова, а от серьезного взгляда Веры прямо ему в глаза. А глаза-то у него аж побелели от напряжения. И протянутые вперед руки трясутся. Жалко идиота – столько переживаний выпало на его долю прямо с утра! Ничего, сейчас еще больше выпадет. Заодно – и на долю всех остальных идиотов. Чтобы впредь не шастали на джипах в пять утра мимо ее любимой липовой аллеи. И тем более – по мосту, который объявили пешеходным еще лет десять назад.

– Ах, господин Сотников! – сказала Вера с отчаянием и прижала руку к сердцу, проверяя, застегнут ли карман рубашки, где лежали ключи. – Боже мой, как вы могли?! В лаковых штиблетах!.. По косогору!.. И на джипе – по пешеходному мосту! Нет, этого пережить я уже не могу. Прощайте. Наша встреча ошибкой была.

Она еще немножко попятилась к краю и быстро глянула через плечо. Ага, вот в этом месте более-менее безопасно. Если, конечно, за последнюю неделю туда не успели сбросить чего-нибудь вроде недоразобранного на запчасти трактора. Ладно, будем надеяться, что недоразобранный трактор все-таки сдали в металлолом. Правда, говорят, что сейчас модно сдавать в металлолом провода с линией электропередачи высокого напряжения и детали приборов точных измерений, но Вера не была пессимисткой и считала, что у любого недоразобранного трактора тоже есть шанс...

– Сумасшедшая, – с ужасом прохрипел господин Сотников, выпустил из рук свой тазобедренный сустав и схватился за голову.

Ну да, Вера с самого начала подозревала, что голову он тоже ушиб.

А идиота Сашку бестактное заявление господина Сотникова вывело из комы и толкнуло на решительные действия. Он пошевелил пальцами протянутых к ней рук, подвигал бровями и проницательно заметил:

– Ты ведь упасть можешь... А там высоко. И глубоко.

– Да, – печально согласилась Вера, на всякий случай опять прижимая руку к карману с ключами и серьезно глядя ему в глаза. – Высота высока, глубина глубока, а жизнь коротка. Ну, что ж теперь... Все там будем.

Она еще немножко попятилась, сделала испуганное лицо, на вдохе сказала: «Ах!», сильно оттолкнулась от края моста и прыгнула вниз, очень надеясь, что это выглядело падением без признаков профессионализма. Уже возле самой воды услышала вопль нескольких глоток и немножко позлорадствовала: ну что, идиоты, нарвались на приключение? Будете еще устраивать сафари на джипах? То-то. Она удивится, если никто из них не поседет за это утро.

Вода оказалась очень холодной. Ну да, шесть утра, чего и ожидать-то было... Но зато в ней не было никаких недоразобранных тракторов, и Вера без проблем прошла над самым дном,

только слегка зацепив новыми кроссовками вязкую илистую муть, и вынырнула под мостом, между двумя опорами чрезвычайной толщины, местами слегка выщербленными. Говорят, этот мост в сорок третьем по очереди долбили две авиации и две артиллерии – и немецкие, и советские. Раздолбили в пыль несколько кварталов вокруг, а мост – вон, только опоры слегка выщерблены. И зачем его чинить собрались? Он бы еще пару тысяч лет простоял. Административная жажда псевдодеятельности. С точки зрения мутной науки психологии...

У-у-ух ты... Что это было-то? Похоже, в речку все-таки свалился какой-нибудь недоразобранный трактор. Или эти идиоты глубинные бомбы стали в нее кидать? Вера в пару гребков подплыла к опоре и осторожно выглянула из-за нее.

Никакого трактора там не было. И глубинных бомб, похоже, тоже не было. Вообще ничего не было, кроме мощных кругов по воде, – очень мощных, волны даже до берега доходили. Наверное, сейсмическое явление. Подземный толчок. Она покачалась на волнах, раздумывая, откуда бы в наших краях взяться сейсмическим явлениям. Говорят, лет тридцать назад здесь был зарегистрирован подземный толчок, но его, кроме ученых, никто не заметил.

– Сашка! – хрипло заорал господин Сотников с моста. – Идиот!

На зов господина Сотникова из воды показалась голова идиота Сашки, что-то неразборчиво квакнула и опять ушла под воду.

– Ребята, стойте! – орал на мосту господин Сотников. – Не прыгайте, здесь мелко! К берегу, скорее, утонет ведь, идиот чертов! Разбился ведь, чертов идиот!

На взгляд Веры, идиот Сашка уже должен был утонуть. Тем более что в том месте, куда он свалился, действительно мелко, метра два, наверное. А в идиоте Сашке – килограммов сто живого веса... Будем надеяться, что пока живого. Вот ведь еще канитель на ее голову... Три шоколадки «Аленка», не меньше. После такого нервного дня потребуется ударная доза мощного антидепрессанта.

Вера оттолкнулась от опоры, нырнула, доплыла под водой до того места, куда, предположительно, ухнул глубинный идиот, и наугад пошарила в жирном придонном иле, взбаламученном до самой поверхности воды сейсмическим явлением по имени Сашка. Никакого сейсмического явления в жирной мути не нашаривалось. Вера вынырнула, глотнула воздуха и опять собралась нырять, но тут за ее спиной сильно плеснуло, ухнуло, квакнуло и закашлялось. Она оглянулась – над водой торчала голова этого идиота и с ужасом тарасила на нее белые глаза. С ужасом! Вы подумайте! Конечно, вид у нее сейчас не очень... в общем, не очень. Но чтобы – с ужасом?! На себя бы посмотрел.

По мосту к берегу топали два туловища, а господин Сотников стоял на краю моста, держась одной рукой за одинокий столбик, оставшийся от снятых перил, а другой – за свой тазобедренный сустав, и что-то хрипло орал.

– Эй, там, на палубе! – тоже заорала Вера, и почему-то тоже хрипло. – Отбой шлюпочной тревоги! Живой ваш утопленник!

Господин Сотников замолчал с открытым ртом, вытаращился на нее с таким же ужасом, как идиот Сашка, и даже оторвал руку от тазобедренного сустава и прижал ее к нагрудному карману своего бывшего черного пиджака. Два туловища резко затормозили и стали осторожно подбираться к краю моста, вытягивая шеи и пытаясь заглянуть вниз.

– Ты ведь живой? – на всякий случай уточнила Вера, подплывая поближе к этому идиоту и присматриваясь к выражению его небритой морды.

– Ага, – квакнул идиот и опять закашлялся. Откашлялся, отдышался и в свою очередь спросил с явным недоверием: – А ты чего, тоже живая, что ли?

– Да, – ответила она со сдержанным ликованием в голосе. – Также живая. Такое невероятное совпадение, правда?.. Ты чего к берегу не плывешь? Товарищи вон волнуются, переживают, нервные клетки жгут... А тебе до них и дела нет. Ты эгоист, Александр, вот что я тебе

должна сказать. И не надо бледнеть лицом, на правду обижаться не следует, а следует делать выводы и вставать на путь исправления... ты чего покалечил-то? Руками двигать можешь?

– Могу, – неуверенно отозвался эгоист, едва шевеля синими губами и едва двигая раскинутыми в стороны руками. – Только без толку... Ногой зацепился. Там железка какая-то... Ногу разодрала, а потом – за штаны... не могу отцепить, уже пробовал...

– Стой смиренно, ногами не дергай, – приказала Вера. – Сейчас посмотрю, что можно сделать.

Ничего там посмотреть было невозможно, конечно. В такой грязи вообще глаза не откроешь. А на ощупь удалось определить только то, что идиот Сашка стоит на каком-то железном крюке, намертво вросшем в дно, крюк насквозь проткнул штанину, и снять штанину с крюка нет никакой возможности, потому что конец у крюка не гладкий, а с двумя острыми отростками, под углом отходящими назад. А разорвать штанину тоже не удастся – крепкая штанина, качественная. А вокруг ноги этого идиота в холодной воде расплывается теплое облако. Наверное, сильно нога разодрана. Не хватало только, чтобы на запах крови пиявки какие-нибудь толпой набежали... Хотя в такой грязи, наверное, и пиявок никаких не водится. Это хорошо. Однако и без пиявок этот идиот может потерять много крови. Это плохо. Придется штаны снимать.

Вера вынырнула, отдышалась и деловито поинтересовалась:

– У тебя в карманах штанов что-нибудь ценное есть?

– Кажется, мобильник, – неуверенно вспомнил идиот. – Платок... Сигареты, зажигалка. Мелочь какая-то. Ножик.

– Давай сюда.

– Чего давать? – Сашка, кажется, на самом деле ничего не понял.

Вера серьезно посмотрела в его ошалелые глаза, грустно вздохнула, насколько позволяли мелкие волны, все время лезущие в рот, и доверительно призналась:

– Курить страсть как хочется. А у тебя в карманах и сигареты, и зажигалка. Не поняла только, зачем ты ножик носишь.

Сашка наконец понял, обрадовался, глаза его заметно оживели, а слегка синие губы попытались изобразить одобрительную улыбку.

– Молодец, – похвалил он Веру. – Надо же, догадалась... Правда молодец.

И полез руками шарить по карманам. Сразу обеими. И, конечно, тут же ушел под воду с головой – течение здесь было хоть и пустяковое, но парусность у Сашкиного туловища была выдающаяся, так что ничего удивительного, что на своем якоре он отклонился от вертикального положения градусов на тридцать. Идиот. Вера ухватила его за шкуру, выдернула на поверхность, дождалась, пока он откашляется и отдышится, и жалобно сказала:

– Знаешь, я ужасно замерзла. И кушать хочу. Может, я поплыву потихоньку, а?

– Как это? – испугался Сашка и клацнул зубами. – А я?

– А ты еще поныряй, раз это тебе так понравилось, – предложила она. Понаблюдала, как из его глаз опять уходит всякое соображение, и сжалась: – Ладно, работай плавниками и больше не ныряй. Я сама твой ножик найду.

Господи, сколько мусора у этих идиотов в карманах! Она три раза выныривала с тем, что могло быть складным ножом, и каждый раз это была какая-нибудь бесполезная дрянь – фонарик величиной с авторучку, авторучка величиной с отбойный молоток, зажигалка, конфигурацией и весом больше всего похожая на кирпич. А нож оказался вообще в кармане пиджака. Обыкновенный складной ножичек, практически перочинный, но открыть его она так и не сумела. Она держала Сашку за шкуру, Сашка долго и неловко открывал нож, отплевываясь от мелких волн и бормоча, что эта работа не для слабых женских рук, господин Сотников с моста хрипло интересовался, не пора ли вызвать спасателей, два туловища лежали на мосту, свесив вниз головы и время от времени спрашивая друг у друга, что делать, дядьки с удочками

проснулись и стали махать руками, показывать пальцами и что-то неразборчиво кричать, и все это было уже скучно. Сколько можно здесь еще торчать? И часы у нее остановились. Совсем скучно.

Сашка наконец-то открыл этот почти перочинный ножик, при этом чуть его не утопив. Вера едва успела подхватить, для восстановления душевного равновесия расплосовала лацкан Сашкиного пиджака, якобы проверяя, насколько нож хорошо заточен, и нырнула в жирную придонную муть. Одним взмахом откромсала кусок штанины, нанизанной на острый конец крюка, и осторожно толкнула Сашкины ноги в сторону – свободен, мол. Он понял, шарахнулся от своего якоря с неожиданной прытью, задев ее плечо ботинком, – не больно, но ведь наверняка тоже лаковые штиблеты, вот что возмутительно. Она вынырнула – и совсем расстроилась: этот идиот барахтался, безграмотно и практически безуспешно борясь с абсолютно пустяковым течением, и при этом кричал господину Сотникову со товарищи, что все в полном порядке, сейчас он доберется до берега, сейчас, сейчас, вот только девочке поможет доплыть...

– Эй, на палубе! – закричала Вера, заглушая кваканье этого идиота. – Идите на берег, вон к тому месту, где лестница! Аптечку обязательно захватите, Сашка серьезно ранен!

Два лежачих туловища испуганно переглянулись, спросили друг у друга, где аптечка, отползли от края моста и исчезли из поля зрения. А господин Сотников стоял столбом и глядел на нее, как кот на голубя. Как хищный, но хромой кот на слабую и незащитную, но вполне здоровую голубку, упорхнувшую прямо из-под носа. Судя по выражению морды, с таким постыдным недоразумением хищный кот прежде никогда не сталкивался. Бедненький.

– Чего это я ранен? – квакнул рядом идиот Сашка. – Подумаешь, царапина... Держись за меня, сейчас я мигом до берега...

Он неловко барахтался, медленно и с явным трудом поворачиваясь в воде, как в цементном растворе, и Вера совсем заскучала. Придется его до берега волоочь, идиота. Наверное, и вправду серьезно ранен, идиот. Вон, еле шевелится. Как муха в варенье. Муха величиной со слона... с мамонта. Говорят, мамонты вымерли потому, что то и дело попадали в ямы с водой, протаявшие в вечной мерзлоте, а выбраться не могли – плавать не умели. Идиоты.

– Послушай моего совета, – сердито сказала Вера, хватая этого мамонта за шкуру. – Как только выйдешь из больницы – тут же пристрели своего тренера по плаванию... Ложись на спину и не барахтайся. Ты фарватера не знаешь, а тут на дне, кроме твоего любимого крюка, много чего валяется.

Метров через пять было уже мелко, уже можно было бы и по дну пройти, но Вера все-таки плыла почти до самого берега, с печалью думая о своих новых кроссовках и с трудом волоча за шкуру мамонта Сашку. Мамонт Сашка послушно волокся, глядел в небо ошалелыми глазами, не трепыхался и даже передние лапы на груди сложил. Репетирует, что ли? Самое время. Если действительно много крови потерял, да еще переохлаждение организма...

Сашка проехал спиной по дну и вышел из комы. Сел, повертел головой, поглядывался, не вставая, неловко выбрался на нижнюю ступеньку каменной лестницы, спускающейся к самой воде, и с тоской сказал:

– Нет, какие ноги, а? И что теперь делать?..

– Ты что, разве обе поранил? – удивилась Вера. – Я думала, что одну... Ладно, не бойся, главное – кости целы. Покажи, что там у тебя.

– А чего у меня? – рассеянно отозвался Сашка. – У меня ничего... То есть нормально. Я говорю: у тебя ноги-то какие...

– Ну, грязные, – отметила Вера с раздражением, мельком глянув на свои ноги в бывших новых кроссовках, во второй раз надетых, чтоб они провалились, идиоты. – Ну, синие... Так ведь нелегкая это работа – из болота тащить бегемота. На себя посмотрел бы... Ладно, пойду я уже. Замерзла. Прощай, утопленник. Передавай пламенный привет господину Сотникову,

генеральному директору фирмы... черт, забыла название. Ну, ты постепенно сообразишь, кому привет передавать. Пламенный.

Она было шагнула к речке, заранее мысленно уговаривая себя, что вода не такая уж и холодная, вполне терпимая вода, а по сравнению с температурой ее тела в данный момент – так даже, может быть, теплая вода, даже очень теплая, прямо парное молоко, сейчас она в этой воде согреется, особенно ноги согреются, ооченели совсем. Только ангины ей не хватало...

И тут Сашка схватил ее за ногу. Обхватил ее холодную, как сосулька, лодыжку своей горячей, как утюг, ладонью. Горячей! Это как понимать?! Или они не в одной воде только что остывали? Или этот терминатор на батарейках работает? Или у этого идиота уже температура поднялась?.. Или...

– Попробуешь удержать – утоплю, – очень спокойным голосом пообещала Вера, глядя на два туловища, которые только что сошли с моста и теперь рысили по набережной в их сторону.

Лучше было бы не на туловища смотреть, а в глаза Сашке. Ее фирменным серьезным взглядом. Тогда бы он послушался. А слова – так, сотрясение воздуха. Когда они на такие мелочи внимание обращали? Но на Сашку она не смотрела, и ее нога сейчас растает в его ладони или, наоборот, раскалится, уже раскаляется, от нее уже температура распространяется по всему организму, уже бедный организм трясется в ознобе, все, можно с уверенностью закупать этот быстрорастворимый... как его? Который снимает симптомы... И нужно немедленно посмотреть серьезным взглядом прямо в Сашкины глаза, а то он ее ногу никогда не отпустит, и ее нога расплавится, а потом сплавится с его рукой, и что тогда делать? Тогда уже ничего не сделаешь, надо делать что-то прямо сейчас...

– Нет, что ты, я не чтобы удержать, – испуганно сказал Сашка и отпустил ее ногу. – Я просто... не удержался. Извини. Никогда не верил, что такие ноги бывают. Один раз на картинке видел. Не фотография, а так, нарисованные. Но это же не считается, да?

Тема была привычная, и Вера мгновенно пришла в себя. Подумаешь, горячая рука! Подумаешь, мурашки по коже! Резкий перепад температуры, законы химии... или физики? Да хоть бы и мутной науки психологии, это уже не принципиально. Ничего быстрорастворимого закупать не надо, а надо быстренько добраться до дома и влезть под горячий душ. А времени и так в обрез. Наверное, целый час на эти догонялки угробила. Сколько там натикало? Нисколько. Стоят часы. Сколько раз говорила себе: не надо надевать часы во время утренней пробежки! И вечерней тоже! Часы, конечно, копеечные, но все равно обидно – третьи с начала купального сезона... Вера с трудом расстегнула зачуханный мокрой тиной пластиковый браслет и раздраженно выбросила часы в речку. В холодную и грязную воду, в которую ей сейчас придется опять лезть. Четыре шоколадки «Аленка», две большие черные редьки, свиная отбивная, красная икра, песочное пирожное, заварное пирожное... два заварных пирожных, стаканчик вишневого желе, хорошо бы малосольных огурчиков найти, и тогда можно будет нажарить много-много картошки. И сожрать все это на сон грядущий. Интересно, вынесет ее организм такое массажное благотворное влияние в один прием? Ничего, вынесет. И не такое выносил. Вон вода какая мерзкая. Совершенно ничего общего с парным молоком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.